

**ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ В ПОДХОДАХ
К ИЗУЧЕНИЮ МЕТАКОММУНИКАЦИИ****Е.Н. Радион***Белорусский государственный университет иностранных языков
Минск, Республика Беларусь, elenaradion@yahoo.com*

В данной статье рассматриваются терминологические разногласия в различных подходах к изучению метакоммуникации: когнитивном, структурном и функциональном. Предпринимается попытка конкретизировать различия между метакоммуникативной, фатической и эмотивной функциями речевых действий, чтобы сформулировать более однозначное определение метакоммуникации как лингвистического явления.

Ключевые слова: метакоммуникация; метаязык; метатекст; метакоммуникативная функция языка; фатическая коммуникация.

В процессе изучения отечественных и зарубежных лингвистических исследований, посвященных метакоммуникации, возникают спорные вопросы, связанные как с интерпретацией понятия «метакоммуникация», так и с классификацией языковых явлений, которые относятся к проявлениям метакоммуникации. В гуманитарном знании фигурируют различные термины с приставкой мета-, в частности, «метакоммуникация», «метаязык» и «метатекст», которые следует предварительно рассмотреть, чтобы прояснить проблему существующих терминологических разногласий.

Исследователи подчеркивают неоднозначность, наблюдаемую в терминологии, предлагая свои варианты систематизации уже существующих накопленных в лингвистике знаний [1]. На основании изученных исследований представляется возможным выделить три подхода, которые мы обозначили следующим образом: 1) когнитивный подход, в котором метаязык рассматривается как семиологическая система, где язык как первичная система выступает в качестве инструмента (формы) для передачи новых смыслов, обусловленных культурными, аксиологическими и ситуативными контекстами (Р. Барт, Г. Бейтсон, Б. Уорф); 2) структурный подход, рассматривающий метакоммуникацию как «семантический узор», структурно-содержательную организацию коммуникации или текста (А. Вержбицка, Ю.Д. Апресян); 3) функционально-коммуникативный подход, в котором метакоммуникация рассматривается как «разговор о разговоре», «общение по поводу общения», то есть объектом референции выступает сам коммуникативный код (Р.О. Якобсон, Д. Вундерлих, В.Д. Девкин). Далее обсудим более подробно каждый из подходов в отдельности, чтобы выяснить суть возникающих дефиниционных противоречий и прийти к более конкретному оперативному определению.

1. Когнитивный подход. Под когнитивным подходом мы подразумеваем исследования, в которых метауровень языка рассматривается как вторичная семиологическая система координат, где языковые средства выступают как инструмент культурно или ситуативно обусловленного кодирования транслируемых смыслов. В данном подходе зачастую используется понятие «метаязык», которое, будучи заимствованным из логики, закрепилось в гуманитарном знании благодаря Р. Барту. Однако «метаязык» Р. Барта не сводится к узкому пониманию языка как логического инструмента, служащего для описания языка как объекта. В работе «Мифологии» Р. Барт выстраивает глобальную семиологическую структуру, где

метаязык является надстройкой, вторичной знаковой системой, в которой собственно язык как система знаков с их значениями выступает как означающее («формой» в терминологии Р. Барта), а означаемым является так называемый «концепт», которому автор не дает конкретного определения, но скорее всего речь идет об аксиологических установках, идеологических и нравственных императивах. Совокупность языковой формы и концепта реализуется в «значении», то есть воспринимаемом нами смысле. Метаязык в понимании Р. Барта – это инструмент «мифологизации реальности», то есть новая знаковая система, использующая язык для создания аксиологических смысловых надстроек через «обесмысливание означающего». В частности, рассуждая о так называемой «правой мифологии» Р. Барт отмечает: «такие слова, как «буржуа», «капитализм», «пролетариат» постоянно страдают кровотечением, смысл постоянно вытекает из них, так что эти названия становятся совершенно бессмысленными» [2, с.106]. Далее Р. Барт определяет метаязык как риторику, представляющую собой «привилегированную технику, позволяющую правящим классам получить право собственности на речь. Поскольку язык является силой, были установлены избирательные правила доступа к этой силе, что делает его псевдонаукой, закрытой для «тех, кто не умеет говорить» и требующей дорогостоящего посвящения» [2, с.120]. Итак, метаязык с этой точки зрения – лингвокультурный (идеологический, аксиологический) языковой код, который существует как отдельная система координат, где сам язык выступает лишь как форма, значение которой определяется концептуальными представлениями о реальности.

Понимание метакоммуникации как своеобразного коммуникативного кода также предлагается в работе «Разум и природа: неизбежное единство» американским психологом Г. Бейтсоном, который популяризировал термин, заимствованный по его словам у Б. Уорфа: «Итак, мы начинаем с потенциальной дифференциации действия в контексте и действия или поведения, определяющего или выясняющего контекст. Последний тип коммуникации я давно уже называю метакоммуникацией, заимствовав этот термин у Б. Уорфа» [3, с.112]. Таким образом, метакоммуникацией Г. Бейтсон называет «действия и поведение, определяющее или выясняющее контекст», а сообщения, которые «относятся к кодированию сообщений», – метасообщениями.

В исследованиях Б. Уорфа также не предлагается четкого определения метакоммуникации или метаязыка, но под метауровнем Б. Уорф подразумевает уровень кодировки информации, который проявляется в культурных моделях, определяющих мировоззрение. При этом исследователи вынуждены использовать одну «систему координат» для описания другой при описании различных языков. Следовательно, для Б. Уорфа английский язык выступает в качестве метаязыка при изучении языка хопи, и возникают сомнения в том, можно ли с помощью английского языка в полной мере отразить реальность языка хопи, базирующегося на другой «системе паттернов» [4].

Таким образом, в широком когнитивно-философском смысле термины «метаязык» и «метакоммуникация» используются для обозначения так называемого «двойного кодирования», суть которого заключается в создании новой системы знаков, нового кода как уникальной системы координат для культурного, идеологического, аксиологического и ситуативного кодирования смыслов.

2. Структурный подход. В более узком структурно-лингвистическом понимании метаязык интерпретируется как система языковых средств, служащих для

описания структуры и семантики языка-объекта, то есть либо другого языка, либо самого себя.

В лингвистических исследованиях структурный подход к метауровню как компоненту организующей языковой структуры получил распространение в работах А. Вержбицкой, в частности, в статье «Метатекст в тексте». А. Вержбицка рассматривает понятие метатекста как «семантического узора», состоящего из элементов текста, сопровождающих основное сообщение, но не влияющих на основной смысл, но организующих восприятие основного сообщения [5, с.405]. По нашему мнению, концепция А. Вержбицкой перекликается с представлением Т. ван Дейка о макроструктуре и суперструктуре текста, где под макроструктурой текста поднимается семантическая сторона, тематическое содержание текста, а под суперструктурой – организация текстовой информации [6, с.185]. Таким образом, мы полагаем, что у А. Вержбицкой метатекст представляет собой структурно-тематическую организацию текста, которая способствует пониманию смысла и обладает синергетическим свойством, то есть порождаемые в результате смыслы представляют собой больше, чем просто совокупность значений слов, поэтому можно утверждать, что это явление более высокого текстового порядка.

Метауровень текста в трактовке А. Вержбицкой скорее можно отождествить со структурной и содержательной целостностью текста, которую современные исследователи определяют довольно широко, выходя за пределы собственно текста и рассматривая более «крупные формы проявления текстовой метакоммуникации» (в терминах Д.И. Остапенко), например, предисловия, послесловия, примечания, комментарии, сноски к тексту, критические статьи, обсуждения текста в интернет-ресурсах [7]. Мы полагаем, что довольно рискованно расширять границы структурного подхода до «текста о тексте», поскольку возникает исследовательская задача разграничения понятий «метатекст» и «интертекст». Интертекстуальность – это свойство текста, которое заключается в своеобразном диалоге между текстами, который ведется через цитаты, аллюзии, реминисценции и т.д., создавая при этом новые смыслы. Если под метатекстом понимать некий вторичный текст, который описывает, комментирует или поясняет первичный текст, то метатекст является примером интертекстуального диалога между текстами, поскольку в процессе комментария или критического описания актуализируются новые смыслы. С другой стороны, в философском понимании любой текст (а не только текст, принадлежащий к жанру рецензии или критического эссе) является вторичным, потому что так или иначе представляет собой трансформацию и переосмысление предыдущих текстов. В этом случае у понятия «метатекст» не остается дифференцирующих критериев, которые бы отличали его от просто текста. Например, такой фундаментальный философский труд, как «О грамматологии» Ж. Деррида, в очень большой степени является критикой логоцентризма и реакцией на рассуждения о языке и речи Ф. де Соссюра, а также критическим анализом некоторых рассуждений из «Исповеди» Жан-Жака Руссо [8]. Таким образом, определение «просто текста» становится весьма затруднительным. На данном этапе рассуждений мы предлагаем ограничить понимание метатекста структурно-содержательной целостностью текста.

Представим вышеупомянутые подходы схематически, дополнив схему, предложенную Р. Бартом, и добавив уровень структуры текста и метауровень, под которым подразумевается концептуальное кодирование (табл. 1).

Таблица 1 – Схема соотношения семиологических языковых систем (когнитивный и структурный подходы)

Уровень слова	a)означающее	b)означаемое
	с)значение	
Уровень текста: метатекст (структурный подход)	с) значение	
	1. Макроструктура (тематическое содержание по Т.ван.Дейку)	2.Суперструктура (организация текста по Т. ван Дейку)
Метауровень «вторичной кодировки»: метаязык и метакоммуникация (когнитивный подход)	3.Содержательный смысл текста	
	3.Содержательный смысл текста I.ФОРМА	II.КОНЦЕПТ
	III. НОВЫЙ КОД	

В результате три термина (метаязык, метакоммуникация, метатекст) употребляются в различных научных контекстах, по-разному определяются, но подчеркивают сложную синергетическую природу любого языкового явления, когда сказанное в совокупности содержит нечто большее, чем просто означающее и означаемое.

Функционально-коммуникативный подход. Третий подход к метауровню языка, который мы обозначили как функционально-коммуникативный, заключается в отождествлении метакоммуникации с фатической коммуникацией, выполняющей функцию установления и поддержания коммуникативного контакта (М.Ю. Олешков, Г.Г. Почепцов, А.Н. Синицина). Исследователи зачастую ссылаются на работы Р.О. Якобсона, который, как принято полагать, обратил внимание на необходимость общего коммуникативного кода как обязательного компонента коммуникации и на соответствующую ему метаязыковую (термин Р.О. Якобсона) функцию языка.

Действительно, при трактовке метакоммуникации как использования языка с контактоустанавливающей целью исследователи поясняют, что именно Р.О. Якобсон в числе необходимых компонентов коммуникации наряду с адресатом, адресантом, сообщением, общим знанием коммуникативного кода и ситуативным контекстом выделяет еще и физический канал связи – контакт, существование которого необходимо для обеспечения эффективной коммуникации. Однако, если внимательно рассмотреть систему коммуникации Р.О. Якобсона, подробно описанную в работе «Лингвистика и поэтика», мы обнаружим, что в зависимости от того, какой компонент коммуникации находится в центре внимания, Р.О. Якобсон рассматривает следующие функции языка: адресат соотносится с эмотивной функцией языка (отношение адресата к своему сообщению), адресант соотносится с конативной функцией (эффект, который сообщение оказывает на адресанта), контекст соотносится с референциальной функцией (каким образом контекст влияет на смысл сообщения), контакт соотносится с фатической функцией (поддержание контакта выступает как коммуникативная цель), само сообщение соотносится с поэтической функцией (в центре внимания сообщение само по себе), а метакоммуникативная (метаязыковая) функция соотносится с компо-

нением коммуникативного кода, когда предметом обсуждения является собственно код, то есть насколько коммуниканты понимают друг друга [9]. Таким образом, именно Р.О. Якобсон изначально разделил фатическую и метакоммуникативную функции языка, ведь в его системе эти функции соотносятся с разными компонентами коммуникации – контактом и коммуникативным кодом соответственно. Более того, концепция Р.О. Якобсона вполне созвучна с представлениями Б. Уорфа, Р. Барта и Г. Бейтсона о метаязыке как коде, который в процессе коммуникации должен быть понятен всем участникам коммуникативной ситуации, чтобы общение было успешным.

Метакоммуникативная и фатическая функции различаются не только по своей коммуникативной цели, определяемой ведущим компонентом коммуникации, но по тематическому содержанию. Как отмечает Т.Г. Винокур, «частные цели в фатическом речевом поведении всегда подчинены основной интенции контакта, следовательно, информативная задача высказывания, с точки зрения участников общения, вторична» [10, с.109]. Именно поэтому тематический фактор для фатического общения является вторичным: коммуникантам не свойственно «держаться теме» или адекватно реагировать на реплики друг друга, однако разговор ради разговора будет продолжаться с целью поддержания межличностных отношений. Следовательно, по мнению Т.Г. Винокур, фатическое общение предполагает, что коммуникативный код изначально распознается коммуникантами, поэтому характеризуется ритуализированностью и автоматизмом: «Фатическое речевое поведение должно включать понимание самого коммуникативного намерения. Речь идет о понимании не столько смысла высказывания, сколько понимании человека через соотнесение смысла и ситуации на основе так называемых автоматизмов, определяющих варианты человеческого поведения» [10, с. 157].

Следовательно, когда исследователи говорят о фатической метакоммуникации, скорее всего, имеются в виду примеры речевых действий, которые выполняют одновременно и фатическую, и метакоммуникативную (по Р.О. Якобсону – метаязыковую) функции. Например, установление контакта может быть обусловлено метакоммуникативной интенцией – намерением скорректировать речевое поведение собеседника или прояснить смысл сказанного.

Представим результаты наших рассуждений о различиях метакоммуникативной и фатической функций в виде таблицы (табл. 2).

Еще одна функция, которая рассматривается в исследованиях метакоммуникации, – это функция оценочности. Например, Е.Л. Макарова определяет метакоммуникацию как модус высказывания, как сообщение сопутствующей информации, которое передается параллельно с передачей основного сообщения. Е.Л. Макарова отмечает, что «...термин «метакоммуникация» принят для обозначения высказываний, соотносимых не с содержательным уровнем текущего процесса речевого общения, а с уровнем передачи субъективных отношений и оценок коммуникантов к передаваемой информации, способу ее изложения и особенностям процесса ее восприятия...» [11]. Такой подход представляется довольно спорным, потому что, возвращаясь к схеме коммуникации Р.О. Якобсона, для субъективной оценочности предусмотрена отдельная функция – эмотивная, и случаи пересечения функций, когда одно и то же высказывание может одновременно выполнять несколько функций, не означают, что эти функции можно отождествить. Итак, ознакомившись с различными направлениями и подходами к изучению метакоммуникации как лингвистического феномена, мы приходим к выводу о том, что с тех пор как термин вошел в научный обиход и закрепился в

лингвистическом информационном поле, исследователи постоянно раздвигали границы его применения, добавляя новые функции и новые интерпретации понятия.

Таблица 2. – Различия между метакоммуникативной и фатической функциями языка

Дифференциальные параметры	Метакоммуникативная функция	Фатическая функция
Коммуникативная цель	Обеспечение понимания коммуникативного кода обоими коммуникантами	Поддержание контакта, возможно только при условии понимания коммуникативного кода обоими коммуникантами
Тематическое содержание	<i>Разговор о разговоре</i> , предметом обсуждения является сам коммуникативный код, присутствует эготематическая референция	<i>Общение ради общения</i> , (но не об общении) тема вторична и зачастую ситуативна (погода, рецепты блюд, семейная рутина и т.д.)
Типичная языковая реализация	Корректирующие метакоммуникативные действия	Речевой этикет, фатические коммуникативные действия

Возникает ощущение, что приставку мета- мы фактически добавляем ко всему, что нам кажется в тексте или в разговоре лишним и не имеющим отношения к информативности, и под определение метакоммуникации уже начинают попадать интертекст, фатика, модальность и многое другое, и в результате мы получаем возможность говорить о жанрах, таких как рецензия или критическое эссе, как примерах метакоммуникации. Следуя данной логике, бытовой дискурс целиком попадает под определение метакоммуникации, поскольку наши ежедневные бытовые диалоги зачастую не несут никакой информационной составляющей. Перефразируя Ж. Деррида, можно ли на данном этапе изучения метакоммуникации сказать, что «нет ничего, кроме метатекста?» А если все подряд является мета-, то что же такое текст?

Суммируя вышесказанное, мы предлагаем более осмотрительное использование термина «метакоммуникация» и, вслед за Г. Бейтсоном, рассматриваем метакоммуникацию как более конкретное явление, под которым подразумевается контекстуально и ситуативно обусловленный вторичный языковой код, не имеющий отношения к структуре высказывания. Следовательно, метакоммуникативную функцию будут выполнять лишь речевые действия, которые направлены на прояснение контекста или собственно кода, поэтому нет необходимости параллельно рассматривать эмотивную или фатическую функции. Конкретизация и более узкие рамки в понимании такого сложного и неоднозначного понятия помогут избежать терминологических пересечений, которые наблюдаются в современных лингвистических исследованиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Метакоммуникативная организация диалогического дискурса / В.Р. Абрау-Фамлюк [и др.]; под общ. ред. Е.Г. Задворной. – Мн : МГЛУ, 2017. – 112 с.

2. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
3. Бейтсон, Г. Разум и природа: необходимое единство [Электронный ресурс] – Режим доступа : https://modernproblems.org.ru/attachments/article/301/transl_v7_Bateson.pdf – Дата доступа : 30.04.2026.
4. Уорф, Б. Язык, сознание и реальность [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.intelros.ru/readroom/eps/e4-2016/31989-yazyk-soznanie-realnost-perevod-aaveretennikova.html> – Дата доступа : 30.04.2026.
5. Вержбицка, А. Метатекст в тексте / А. Вержбицка // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : 1975. – Вып. 8 : Лингвистика текста. – С.402-425
6. Дейк, Т.ван. Стратегии понимания связного текста / Т. ван Дейк, В. Кич // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : 1988. – Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка. – С.152-212.
7. Остапенко, Д. И. К трактовке понятия «метакоммуникация» [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-traktovke-ponyatiya-metakommunikatsiya> – Дата доступа : 30.04.2026.
8. Derrida, J. Of Grammatology / J. Derrida. – Baltimore : John Hopkins University Press, 1997. – 456 p.
9. Якобсон, Р.О. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://liconism.com/images/documents/1035/Якобсон%20Лингвистика%20и%20поэтика.pdf> – Дата доступа : 30.04.2026.
10. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. – М. : Наука, 1993. – 172 с.
11. Макарова, Е.Л. Обучение средствам метакоммуникации в аргументирующем дискурсе (нем.яз.): автореф.дис...канд.пед.наук: 13.00.02 / Макарова Елена Леонидовна: Моск.гос.лингвист.ун-т. - М., 1994. – 24 с.

TERMINOLOGICAL CONTROVERSIES IN APPROACHES TO THE STUDY OF METACOMMUNICATION

E.N.Radion

*Belarusian State University of Foreign Languages
Minsk, Belarus, elenaradion@yahoo.com*

This article examines terminological contradictions in various approaches to the study of metacommunication. An attempt is made to clarify the differences between the metacommunicative, phatic, and evaluative functions of speech acts to formulate a clearer definition of metacommunication as a linguistic phenomenon.

Keywords: metacommunication; metalanguage; metatext; metacommunicative function; phatic communication